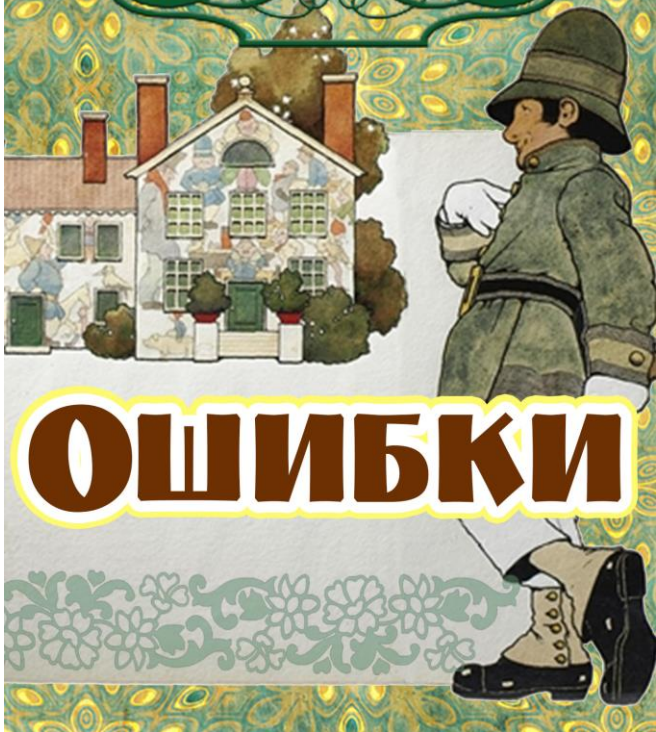

Э. Гофман

«Ошибки» — захватывающий рассказ известного немецкого писателя эпохи романтизма Эрнста Теодора Амадея Гофмана (нем. Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, 1776–1822).

В один прекрасный день барон Теодор фон С. находит на улице женский кошелек, а через год видит объявление, в котором владелица кошелька назначает ему встречу. С этого момента и начинаются его удивительные приключения...

Эрнст Гофман известен также как автор произведений «Стихийный дух», «Тайны», «Двойник», «Повелитель блох», «Разбойники», «Каменное сердце», «Золотой горшок», «Песочный человек», «Sanctus».

Эрнст Теодор Амадей Гофман прославился не только как талантливый писатель, но еще и как композитор и художник. Его литературное творчество высоко ценится и по сей день. По его сюжетам снято несколько фильмов и мультфильмов, а также написаны произведения для оперы и балета.

Эрнст Гофман

ОШИБКИ

В восемьдесят втором номере «Справочного листка для объявлений» за 18... год было помещено следующее объявление:

«Господина, одетого в черное, с карими глазами, темными волосами и немного криво подстриженными бакенбардами, нашедшего некоторое время тому назад в Тиргартене, на скамье близ статуи Аполлона, маленький небесно-голубой бумажник с золотым замком и, вероятно, открывшего его, и, насколько известно, не проживающего в Берлине постоянно, будут ожидать двадцать четвертого июля будущего года в Берлине, в гостинице г-жи Оберман под названием «Солнце», для того, чтобы сообщить ему некоторые подробности относительно содержания бумажника, который, может быть, его неожиданно заинтересовал. Если же означенный молодой человек вздумает теперь выполнить свой план, который он имел некогда, и отправиться в Грецию, то его убедительно просят в Патрасе, в Морее, обратиться к прусскому консулу г-ну Андрею Кондогури и показать ему упомянутый бумажник. Тогда обладатель находки узнает некоторую приятную для него тайну».

Барон Теодор фон С., прочтя это объявление в казино, ощутил радостное смущение, — упомянутым в этом объявлении молодым человеком не мог быть никто другой, кроме него, так как вот уже около года тому назад он нашел в Тиргартене на указанном месте маленький небесно-голубой бумажник с золотым замком и спрятал его себе. Барон принадлежал к числу людей, в жизни которых не случается ничего особенного, но которые все, случающееся с ними, принимают за необычайное и считают самих себя назначенными самой судьбой для того, чтобы переживать необыкновенные, неслыханные вещи. Поэтому, как только барон нашел бумажник, принадлежавший, судя по внешнему виду, какой-нибудь даме, он уже был убежден, что ему предстоит удивительное приключение. Более важные вещи¹ заставили его, однако, позабыть на время про бумажник, и тем сильнее было волнение барона, когда ожидаемое приключение должно было совершиться.

Сначала, однако, барона огорчили две вещи в этом объявлении, а именно: что его глаза, которые он всегда считал за голубые, объявлялись карими, а его бакенбарды за криво подстриженные.

¹ Ниже мы узнаем, какие именно.

Последнее уязвило его тем больше, что он сам перед лучшим парижским туалетным зеркалом проделывал трудную операцию подрезывания своих бакенбард и давно считался мастером этого дела, признанным таким знатоком, как театральный парикмахер Варнике.

Когда огорчение барона немного утихло, он предался следующим размышлениям:

— Во-первых, почему с этим объявлением ждали почти целый год? Или думали узнать меня за это время? Во-вторых, могли ли меня узнать за это время, так как надо быть хорошо знакомым с обстоятельствами моей жизни, чтобы знать, как таинственно было мне предсказано, что в силу особых обстоятельств мне придется отправиться в Грецию. В третьих, может ли быть приятная тайна иная, чем женская? В четвертых, нечего сомневаться в том, что между мной и ангелом, оставившим голубой бумажник на скамейке близ статуи Аполлона, есть какая-то тайная связь, которая разоблачится у г-жи Оберман в гостинице «Солнце» или в Патрасе, в Морее. Кто знает, какие роскошные грезы, какие сладкие предчувствия внезапно вступят в кипучую, яркую жизнь, какие нежные тайны, подобно волшебной сказке, полной радости и блаженного восторга, расцветут в моей душе? Но, в-пятых, где же я оставил, силы небесные, этот роковой бумажник?

Этот пятый пункт был тем неприятнее, что он мог одним ударом уничтожить все мечты и надежды на столь необыкновенное приключение. Напрасны были все розыски; барон никак не мог припомнить даже того, был ли у него в руках этот бумажник после того, как он его нашел. Наконец барон пришел к тому выводу, что огорчение, перенесенное им в тот вечер, когда он нашел бумажник, до того превышало всякие меры, что он позабыл уже обо всем остальном, в том числе и о голубом бумажнике.

Как раз в этот день барон в первый раз надел самый изящный, элегантный и грациозный костюм, какой только выходил из мастерской портного Фрейтага под личным мудрым наблюдением самого хозяина. Девять баронов, пять графов и многие нетитулованные дворяне поклялись честью и райским блаженством в том, что фрак был божественный, а панталоны восхитительные, но граф К., законодатель мод в тогдашнем высшем свете, еще не высказал своего приговора. В силу роковых велений судьбы барон фон С. тотчас после того, как нашел бумажник, возвращаясь из Тиргартена, встретил графа фон К. на улице Унтер-ден-Линден.

— Здравствуйте, барон, — вскричал граф ему навстречу, посмотрел на него в лорнет в течение одного мгновения и сказал решительным тоном. —

Талия почти на одну восьмую дюйма ниже чем следует.

Затем граф ушел, оставив барона в недоумении. Во всем, что касается платья, барон строго придерживался моды и приличий; поэтому грубая ошибка, в которой в конце концов он мог обвинить только самого себя, повергла его в сильнейший гнев. Мысль, что он мог ходить по Берлину в течение целого дня в костюме с несколько широкой талией казалась барону просто чудовищной. Он неистово бросился домой, переделся и приказал камердинеру убрать с глаза долой злополучное платье. Утешение снизошло в его душу только два дня спустя, когда из мастерской Фрейтага ему принесли новую черную пару, и на этот раз сам граф К. признал ее безупречной. Достаточно сказать, что слишком широкая талия была причиной утраты голубого бумажника, о котором теперь барон безутешно раздумывал.

Спустя несколько дней барону вздумалось пересмотреть свой гардероб. Камердинер открыл шкаф, где барон хранил платья, которых уже более не носил. Из шкафа пахнул на барона сильный аромат розового масла. На вопрос о причине этого запаха, камердинер объяснил, что он исходит от черного фрака с широкой талией, повешенного в шкафу некоторое время тому назад, так как г-н

барон не желал более его надевать. Лишь только камердинер выговорил эти слова, барона, как молнией, озарила мысль, что найденное им сокровище он спрятал в боковой карман этого самого фрака и затем в огорчении забыл вынуть его обратно. Барон тотчас припомнил, что бумажник был сильно надушен розовым маслом.

Тотчас фрак был вытащен из шкафа, и барон отыскал в нем требуемую вещь.

Можно себе представить, с каким нетерпением открыл барон маленький золотой замочек и рассмотрел содержимое бумажника, оказавшееся довольно странным. Прежде всего под руки барону попался очень маленький ножичек чрезвычайно странной формы, на вид похожий на какой-то хирургический инструмент. Затем внимание барона было привлечено шелковой соломенно-желтой лентой, на которой были начертаны черной краской какие-то чудные письмена, похожие на китайские. Далее он нашел завернутый в шелковую бумагу увядший незнакомый ему цветок. Но всего существеннее показались для барона два исписанные листка. На одном из них были написаны стихи, которых, однако, барон, к досаде своей, не мог прочесть, так как они написаны были на языке, остающимся незнакомым даже многим из лучших дипломатов, а именно — на новогреческом. Рукопись другого

листка была написана так мелко, что, казалось, ее нельзя было разобрать без помощи лупы, однако, барону, к его величайшей радости, удалось рассмотреть в ней итальянские слова. В итальянском же языке барон был достаточно силен.

Наконец в маленьком кармашке скрывалась причина запаха, распространяемого бумажником и фрактом, а именно завернутый в тонкий листок бумаги герметически закупоренный флакончик розового масла.

На бумажке было написано греческими буквами какое-то слово.

Тут уместно заметить, что на следующий же день барон, обедая в Ягорском ресторане с тайным советником Вольфом, спросил его о значении греческого слова, стоявшего на бумажке. Но тайный советник Вольф, бросив беглый взгляд на бумажку, рассмеялся барону в лицо и объявил, что это вовсе не греческое слово; что его можно прочесть лишь как Шнюспельпольд и что это имя, и притом отнюдь не греческое, а немецкое, и что во всем Гомере нет такого слова и оно не может иметь никакого значения.

Хотя барон, как уже сказано, понимал итальянский язык, однако, дешифрование листочка далось ему нелегко. Помимо того, что он был исписан, точно бисером, в нескольких местах слова были совершенно стерты. Во всяком случае можно

было заключить, что обладательница бумажника² записывала на этом листке свои отдельные мысли, чтобы воспользоваться ими впоследствии для письма к своей близкой подруге; таким образом, листок мог считаться в некотором роде дневником. Барону, однако, пришлось порядком поломать над ним голову и попортить глаза...

Листок из бумажника

...Город в общем построен прекрасно; улицы его прямы, площади большие; там и сям расположены бульвары с засохшими наполовину деревьями, которые, когда неприятный резкий ветер гонит перед собой густые облака пыли, грустно отряхивают свою желто-серую листву. Здесь нет ни одного фонтана, который бы выбрасывал живительную воду и распространял прохладу и свежесть; поэтому площади здесь пустынные и мертвенны. Базар, расположенный по соседству с шумными и стучащими мельницами, мал и запущен и не может быть сравним с константинопольским. Здесь также мало роскошных ковров и драгоценных камней: они

² Что он принадлежал какой-нибудь девушке, в этом не могло быть сомнения.

сосредоточены, и то очень скудно, лишь в отдельных домах. Многие из местных купцов пудрят себе головы, чтобы своим почтенным видом внушить к себе более доверия и продавать товары дороже их стоимости. Здесь есть несколько дворцов, однако они выстроены не из мрамора, так как в стране этой нигде нет мраморных ломов. Строительным материалом здесь служит небольшие продолговатые четырехугольники из кирпича неприятного красного цвета: их называют черепицами. Я видела здесь также постройки из плитняка; этот камень немного напоминает гранит или порфир... Я хотела бы, однако, чтобы ты, моя милая Харитона, видела прекрасные ворота, украшенные колесницей богини победы, запряженной четверкой коней. Она заставляет вспомнить о простом величавом стиле наших предков... Но к чему я столько распространяюсь о мертвых, холодных каменных массах, нависших, точно угрожая раздавить мое бедное горячее сердце... Прочь, прочь из этой пустыни... Я не хочу, моя милая, тебе... Мой маг был сегодня злее и ядовитее, чем всегда. Он слишком много вертелся за обедом и вывихнул себе ногу. Могла ли я потому не мучиться тысячью ужасных предположений... Когда, наконец, освобожусь я от цепей противного уroda, который доведет меня до отчаяния, который... Я растерла ему ногу бальзамом из

Мекки и уложила его в постель; после этого он успокоился. Но затем он встал, приготовил шоколад и предложил мне чашку; но я не пила ее, опасаясь, что он положил в него опиум, чтобы усыпить меня и околдовать, как это он часто уже делал...

Проклятое противное недоверие! Несчастливая, горестная участь!..

Сегодня мой маг сама кротость и дружелюбие. Я погладила рукой его лысину; его большие черные глаза засветились, и он сказал мне с восторгом: «Хорошо, хорошо!» Тотчас взялся он за свои инструменты и пришел к темно-красной шали золотую кайму, такую прекрасную, какой только можно желать. Я набросила эту шаль на себя, а мой маг прикрепил, по обыкновению, к своему затылку электрофор, и мы направились к живописной рощице, примыкавшей непосредственно к воротам со статуей богини победы; сделав всего несколько шагов, мы вошли в прекрасную густую, тенистую аллею... В парке моим магом овладело его обычное ворчливое настроение. Когда я стала хвалить место прогулки, он меня резко оборвал. Я не должна воображать, что это настоящие деревья и кусты, настоящая трава, луг и вода. Я должна бы по их блеклым краскам заметить, что все это только сфабрикованная игрушечная утварь. Зимой, прибавил мой маг, все это будет упаковано, перевезено в город и отчасти отдано в аренду в

разные кондитерские, которые употребляют такие вещи для так называемой выставки.

Если же я хочу видеть немного настоящей природы, я должна отправиться в театр, где только и можно найти здесь что-нибудь порядочное по этой части. Именно к театру здесь приставлены истинные знатоки природы, умеющие распоряжаться горами и долинами, деревьями и кустами, водой и огнем... О, как огорчили меня эти слова!.. Я так жалела о том месте, где я проводила прекрасное время, когда ты, моя милая Харитона, была моей подругой и товарищем... Здесь есть круглая площадка, обсаженная кустами, среди которой стоит статуя Аполлона. Мы пришли к нему. Я хотела сесть здесь, но мой маг воспротивился этому. Он сказал, что проклятая кукла возбуждает в нем страх и ужас, что он отобьет ей нос, чтобы она не имела вид живой, и разобьет ее палкой. И действительно, он бросился на статую со своей длинной толстой тростью... Ты можешь себе представить, что я почувствовала, когда мой маг захотел поступить по обычаю ненавистного мне народа, отбивающего в безумном суеверии статуям носы, чтобы они не производили впечатления живых. Я вскочила, вырвала трость из рук мага, схватила его самого и усадила на скамью. Тогда маг язвительно засмеялся и сказал мне, чтобы я не воображала, будто предо мной настоящая

каменная статуя, я могла бы в этом разувериться уже по виду этого безобразного раздутого тела, напоминающего, по выражению Бенвенуто Челлини, мешок с тыквами. Здесь, по его словам, такие статуи готовят следующим образом: насыпают высокую кучу песка и долгое время дуют на него искусным способом, пока он не примет желаемой формы.

Затем маг стал меня просить, чтобы я позволила ему пойти недалеко от того места, где мы сидели, к воде, послушать лягушек. Я его охотно отпустила, и когда он...

Наступил вечер, и светящиеся искры зажглись на темной зелени листьев... Деревья зашумели надо мной, и соловей запел свою жалобную песнь. Сладкая тоска наполнила мою грудь, и, охваченная неудержимым, страстным желанием, я сделала то, чего не должна была делать. Ты знаешь, моя Харитона, волшебную ленту, обольстительный подарок нашего старика... Я вытащила ее и повязала ее около кисти моей левой руки... Тогда соловей слетел и запел мне на языке моей страны: «О, бедная, зачем пришла ты сюда? Разве ты можешь убежать от горя, от страстной тоски, которая одинаково охватывает тебя и здесь. Здесь, вдали от родных, даже сильнее терзает тебя грусть об утраченных надеждах. Преследователь за тобой!.. Беги, беги, о несчастная!.. Но ты хочешь,

чтобы он умер, нашел смерть в любви... дай же ее мне, дай ее мне и живи в блаженном предчувствии, которое зажжет в твоей груди моя кровь!»

Соловей прижался к моей груди; я вытащила в волшебном очаровании мое маленькое оружие смерти; но, к моему счастью... показался мой маг; соловей умолк, я сорвала ленту с руки и...

...Я почувствовала, что я вся дрожу!.. Те же волосы, те же глаза, та же свободная гордая походка. Он отличался только безобразным, странным платьем, которое носят в этой стране и которое я не умею описать тебе достаточно ясно, моя милая Харитона. Я могу сказать только, что верхнее платье, являющееся у нас украшением для мужчин, здесь бывает обыкновенно темного, всего чаще черного цвета и вырезано наподобие крыльев и хвоста трясогузки. Этот вид в особенности придает одежде та ее часть, которую здесь называют полами и в которой устроены карманы для хранения небольших вещей, вроде носового платка и т. п. Замечательно также, что в этой стране образованные и состоятельные молодые люди непременно должны покрывать свои щеки и подбородок. Они закрывают их при помощи волос, которые зачесывают вперед, а также с помощью кусочков полосатого батиста, торчащего с обеих сторон их шеи. Но всего страннее кажется мне их головной убор, состоящий из твердого войлочного

колпака цилиндрической формы, снабженного полями. Они называют это шляпой... Ах, Харитона!.. Несмотря на это безобразное платье, я тотчас узнала его... Какая дьявольская сила похитила его у меня!.. Но что было бы, если бы он меня увидел... Быстро повязала я волшебную ленту себе на шею, и он прошел близко около меня, а я осталась невидимой для него; однако всем существом своим он почувствовал близость существа, которое ему обрадовалось. В самом деле, он сел на соседнюю скамью, снял шляпу и стал напевать какую-то песенку, слова которой звучали приблизительно так: «Дай на тебя наглядеться или выйди, выйди к окну!» Затем он вытащил футляр и вынул из него странный инструмент, называемый здесь очками. Он насадил этот инструмент на нос, укрепил его за ушами и смотрел сквозь прозрачные и блестящие шлифованные стекла прямо на то место, где я сидела. Я испугалась, чтобы взгляд через эти волшебные стекла, казавшиеся мне могущественным талисманом, не разрушили чар моей ленты, я считала себя потерянной, но случилось, что... о, тайна моей жизни!.. Как мне рассказать тебе, как описать тебе, дорогая Харитона, то неопишное чувство, которое охватило меня!.. Но обращусь к рассказу... Мария очень милое дитя, и хотя не исповедует нашей религии, однако, она чтит наши обряды и убеждена

в истине нашей веры. Накануне Иванова дня я ускользнула от наблюдения моего мага. Мария захватила ключ от дверей дома и ждала меня с изящным сосудом; мы в глубоком молчании пошли в лес и почерпнули из находящейся там цистерны воды, в которую положили священные яблоки. На другое утро, горячо помолившись святому Иоанну, мы подняли наш сосуд на четырех растопыренных пальцах; он наклонился вправо, наклонился влево... дрожа и колеблясь... Но напрасны были наши ожидания!.. Однако после того, как я омыла голову, руки и грудь волшебной водой, в которой лежали освященные яблоки, я отправилась, плотно закутавшись, незамеченная моим магом, который долго спал, на улицу этого города, называемую Унтер-ден-Линден... Там какая-то старая женщина крикнула несколько раз громким голосом: «Теодор, Теодор!..»

...О милая Харитона, от испуга и счастья я готова была упасть без чувств... Да, это он, это он!.. О вы, все святые!.. Когда-то принц, богатый, великий, могущественный, теперь бездомно скитается в одежде трясогузки и безобразном войлочном колпаке... О, если бы я только могла...

Мой маг, по обыкновению, в своем дурном настроении счел все это за глупые выдумки и не согласился на дальнейшие расследования, которые бы ему легко удались, если бы он отправился на то

место в лесу, где я видела Теодора; там он съел бы ломтик моего освященного яблока и выпил глоток таинственной влаги. Но он ни за что не хочет сделать этого и вообще настроен ворчливее, чем когда-либо, так что я должна была по временам его наказывать, что, к сожалению, только увеличивает его власть надо мной, но когда мой милый Теодор... с трудом научила. Но теперь моя Мария танцует ромеку так хорошо, как это можно видеть только у нас. Была прекрасная ночь; в лунном сиянии было тепло и душисто. Лес прислушивался к нашему пению в молчаливом изумлении, и только изредка листья шелестели и шумели, когда пролетали эльфы, а когда мы останавливались, в тишине звучали странные голоса духов ночи и побуждали нас к новой песне. Мой маг принес внутри своего электрофора струнный музыкальный инструмент и ударил по нему в такт ромеки так прекрасно и торжественно, что я обещала ему дать на следующий день за завтраком белого меда...

Наконец, уже далеко за полночь сквозь чащу приблизились к нашей дерновой скамье какие-то фигуры. Мы тотчас накинули на себя покрывала, взяли мага на плечи и убежали так скоро, как только могли... О несчастное, поспешное бегство!.. Птица в первый раз осталась недовольна; она говорила только бессвязный вздор и повторяла мои вопросы, потому что она все-таки попугай, а не